
О ГРУБОСТИ И КОММУНИКАТИВНОЙ ЭТИКЕ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Т.В. Ларина¹, М.М. Козырева¹, А.А. Горностаева²

¹Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

²Кафедра общепереводческой подготовки
Факультет межкультурной коммуникации МИПК
Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ)
ул. Остоженка, 38, Москва, Россия, 119992

В статье речь идет о коммуникативном поведении образованных носителей английского языка и об общественно допустимом употреблении грубости в бесконфликтном общении, которое рассматривается с позиций русской коммуникативной культуры. Ставится вопрос о коммуникативной этике в межкультурном аспекте.

Ключевые слова: вежливость, грубость, коммуникативная этика, межкультурная коммуникация.

В последнее время специалисты в области коммуникации расширяют сферу своих исследований, включая в нее не только вежливое, но и невежливое и даже грубое поведение (см. [1—6 и др.]). Интерес этот вполне оправдан, так как вежливость и грубость — неотъемлемые составляющие коммуникации, которая может приходиться как мирно, так и конфликтно. Не случайно эти два явления рассматриваются исследователями как «инструменты коммуникативного баланса», эффективные механизмы коммуникации, имеющие одну и ту же цель, но противоположные средства ее достижения [7].

Особое значение проблема невежливости и грубости в общении имеет в межкультурной коммуникации. И причин этому несколько.

Во-первых, поскольку из-за различий в национальных стилях коммуникации, в понимании вежливости и в стратегиях, при помощи которых она реализуется, поведение, воспринимаемое как вежливое в одной культуре, может быть воспринято как грубость в другой.

Например, прямое коммуникативное воздействие на собеседника, характерное для русской коммуникативной культуры, воспринимается как недопустимая грубость в английской; в то же время широко допустимое обращение по имени в английской культуре, в том числе при асимметричных отношениях, воспринимается как грубость в русской (при нарушении данных норм грубость будет непроизвольной, неосознанной).

Во-вторых, грубость, как и вежливость, имеет свою национально-культурную специфику, и степень ее допустимости, то есть толерантности к ней, в разных культурах различна, что может так же стать причиной коммуникативных неудач и даже конфликтов.

Вежливость и грубость связаны с моральным аспектом общения, то есть с коммуникативной этикой. Коммуникативная этика представляет собой систему правил и норм поведения (прежде всего моральных), она аккумулирует человеческий опыт в области морали общения, предписывает, как должен вести себя человек в процессе коммуникативной деятельности и устанавливает границы дозволенного.

Оценить поведение как вежливое или грубое не всегда просто. Вежливость и грубость — категории прагматического уровня, что означает, что степень вежливости или грубости высказывания можно определить только в контексте, через восприятие адресата. Самая вежливая фраза в определенных ситуациях может быть воспринята как насмешка, ирония, сарказм и даже грубость [8. С. 167], а самый вульгарный мат, как отмечает В.И. Жельвис, можно использовать как комплимент [7. С. 23].

Когда речь идет о межкультурной коммуникации, контекстом выступает культура.

Анализ национально-культурных особенностей коммуникативного поведения представителей английской и русской культур дает все новые свидетельства того, что не только вежливость, но и грубость занимает разное место в этих культурах, и степень допустимой грубости в них различна.

Поскольку в данной статье нас больше интересует бесконфликтное общение, мы сосредоточим внимание на допущении грубости в тех ситуациях, когда она не противоречит вежливости и выполняет не деструктивную, а конструктивную, с точки зрения представителей конкретной культуры, функцию.

Одним из средств выражения грубости является, как известно, сквернословие, инвективная и табуированная лексика, употребление которой этическими нормами исключается. Однако в реальной коммуникации мы наблюдаем довольно частое отклонение от этических запретов.

Нами уже неоднократно отмечалось, что в английской коммуникации сфера употребления ненормативной лексики, где она воспринимается как допустимая, значительно шире, чем в русской [8—10].

В английском обществе ненормативные слова, включая те, которые относятся к разряду табуированных, свободно употребляются в дружеском общении в любых социальных кругах. В частности, они используются в качестве форм обращения среди образованной интеллигентной молодежи, а также людей среднего возраста: *Oh, you **bastard** you / How are things going, you **son of a bitch**.*

Как отмечают Т.В. Ларина и С. Смит, в качестве обращений можно услышать ***bollocks, shiester, shithead, mother-fucker*** и другие слова, относящиеся к бранной лексике, которые в дружеском общении являются нейтральными и выполняют функцию маркеров близких отношений [11]:

‘You’re right, little **bastard**’ (девушка — парню с нежностью);

‘Come here, you little **bollocks**’ (мать — своему трехлетнему сыну с любовью).

Подобные обращения встречаются и в художественной литературе:

(из дружеского разговора двух подруг — образованных женщин тридцати лет):

‘*The phone’s blipping. There’s someone else trying to get through. I’ll call you back.*’

‘*OK. But remember, you, **silly bitch**, it’s great news, yeah?*’ (J. Asher).

(неожиданная встреча двух друзей-бизнесменов):

'What the bloody hell are you doing in Washington, Harry?' muttered Chipchase through a cheesy grin.

'I told you. Business. Business my bollocks' (R. Goddard).

В русской культуре в данных контекстах подобная лексика представляется недопустимой (дословный перевод использованных в качестве обращения слов: *bastard* — ублюдок, *bollocks* — ягодица, *bitch* — сука, *bollocks* — яйцо, последнее приводится в словаре с пометой табу). Еще раз подчеркнем, что нашей целью было рассмотрение сквернословия в речи образованных носителей английского и русского языков.

В словарях бранные слова приводятся с пометами *taboo*, *slang*, *impolite*, *offensive*, однако сам факт их широкого присутствия в лексикографических справочниках в разных значениях и с примерами употребления свидетельствует, на наш взгляд, об их большей допустимости и меньшей табуированности, чем в русском языке.

Так, например, *Mackmillan English Dictionary for Advanced Learners (MED)*, представляющий собой учебный словарь английского языка, приводит около двадцати словарных статей с самым грубым английским словом *fuck* и его производными, отмечая, что они являются крайне оскорбительными (*extremely offensive*).

Однако наблюдения показывают, что данные слова употребляются не только в ситуациях конфликта, но и в дружеском общении друзей, коллег, членов семьи, причем не только для выражения негативных эмоций (досады, гнева, раздражения), как отмечают словари, но и позитивных эмоций, отношений и оценок, подтверждением чему являются следующие примеры.

What fucking drink are you going to have? (предлагая напиток другу).

What the fuck are you doing here? (при неожиданной встрече друзей).

Nice suit. You look fucking beautiful (комплимент коллеге).

Многочисленные подтверждения этому находим и в художественной литературе:

'I don't mind telling you, I've missed you like bloody hell, my love.' — *'Oh, Shane darling. Yes... I know what you mean'* (из разговора мужа и жены) (B. Bradford).

A leery smile spreads across his face. 'Brilliant,' he said to my breasts. 'Absolutely fucking brilliant... You, my darling, are an absolute fucking genius' (H. Fielding) (режиссер ТВ-студии, оценивая работу новой сотрудницы).

Утратив свое буквальное значение, данные слова выступают усилителями различных частей речи и выполняют эмоционально-усилительную функцию. Как видим, они используются для усиления позитивных чувств (*I've missed you like bloody hell, my love*) и даже для усиления комплиментов (*Absolutely fucking brilliant, absolute fucking genius*).

Американский профессор С. Джонсон — автор книги *English as a Second F*ucking Language* — заявляет, что в современном английском языке ругательства

составляют неотъемлемую часть эффективной коммуникации — *It's the best fucking way to communicate.* — и приводит многочисленные примеры в подтверждение этому [12].

А. Вежбицкая указывает на допустимость бранных слов в австралийской культуре, где они используются для проявления сильных мужских чувств [13. С. 95].

К. Фокс, говоря об эмоциональной сдержанности англичан, отмечает, что мужчинам позволительно выражать три чувства: удивление, при условии, что оно выражается бранными восклицаниями; гнев и восторг, которые также выражаются громкими возгласами и сквернословием [14. С. 70]. Далее она отмечает, что в мужских спорах сквернословие, насмешки и оскорбления позволительны и даже ожидаемы (это демонстрация притворного гнева, притворной ярости), но хлопанье дверью в порыве гнева или любое другое проявление настоящих чувств категорически запрещено.

В русском языке, который, как известно, обладает богатым словарем ненормативной лексики, бранные слова в большей степени сохранили свое первоначальное значение и имеют более выраженный негативный оттенок.

Хотя русский язык также переживает процесс демократизации и границы допустимого расширяются, отношение к ненормативной и сниженной лексике у русских более строгое и менее терпимое. Они воспринимаются как непристойные, являются в большей степени табуированными и недопустимы в вежливом общении (в интеллигентной среде), особенно в присутствии женщин, что свидетельствует о меньшей терпимости к ним.

На этот факт обращает внимание бывший американский дипломат Yale Richmond, который в своей книге о России предупреждает читателей о том, что, хотя в русском языке есть много грубых и вульгарных слов, они не употребляются, как он говорит, «в вежливом обществе»: *While Russian has its share of earthy and vulgar expressions, they are not used in polite society* [15. С. 115].

Подтверждением тому, что русские менее толерантны к ненормативной лексике, является и тот факт, что при ее переводе на русский язык переводчики, как правило, прибегают к различного рода трансформациям, стараясь найти иные средства передачи экспрессии. Несколько примеров из известного фильма английского режиссера Sharon Maguire 'Bridget Jones's Diary' («Дневник Бриджит Джонс»), снятого по одноименной книге Helen Fielding* (заметим, что и режиссер, и автор романа — женщины). Как и героиня фильма (по профессии Бриджит — журналист и телеведущая), так и ее окружение — образованные представители английского среднего и даже высшего среднего класса, тем не менее, слова *bloody, ass, bullocks, fuck* (последнее встречается наиболее часто) и другие употребляются ими с удивляющей регулярностью. И не только когда они находятся в состоянии ссоры или раздражения, но часто и при выражении положительных эмоций.

Запись из дневника Бриджит:

Daily call from Jude. Best friend. Head of investment at Brightlings Bank... who spends most of her time...trapped in the lady's toilet, crying over fuck wit boyfriend. (Ежеднев-

* Некоторые примеры из этого романа уже нами приводились.

ный звонок Джуд, лучшей моей подруги. Возглавляет отдел инвестиций в банке *Brightlings*. И проводит большую часть дня, рыдая из-за **очередного идиота**).

Другая ситуация: Бриджит катается в лодке с Даниэлем, ее начальником, с которым у нее роман. Вместе они читают стихи английского поэта XIX в. Джона Китса. Даниэль восклицает:

'Season of mist...and...mellow fruitlessness.

*Oh, **fuck me**, I love Keats'.*

(Время, которое уходит... уже никогда не вернуть.

***Черт побери**, я обожаю Китса.)*

И даже в самой романтической сцене фильма, когда все проблемы в отношениях главных героев разрешены, и Марк и Бриджит целуются на улице, мы снова слышим слово *fuck*, но теперь уже из уст известного лондонского юриста и аристократа Марка Дарси. Когда Бриджит прерывает его словами *'Nice boys don't kiss like that'* (*Погоди-ка.. хорошие парни так не целуются*), он отвечает: *'Oh, yes, they **fucking do**'* (*Еще как целуются!*) и продолжает ее целовать.

Как видим, при переводе используются различные трансформации, табуированные слова либо опускаются, либо заменяются другими, более нейтральными.

Ненормативную лексику широко употребляют не только герои проанализированного нами фильма, но и знаменитые актеры, играющие их роли.

Так, популярный британский актер Хью Грант (сыгравший в фильме роль Даниэля) в своем интервью программе *Top Gear* (BBC Worldwide — 14.04.2008) употребляет табуированную лексику даже там, где это представляется совсем неуместным.

Говоря о своих машинах, он заявляет: *"I've got great big **fucking cars**"* (букв.: У меня отличные большие е...е машины).

Далее он продолжает интервью рассказом об интимных проблемах, о которых в обществе говорить не принято: *"With GT Continental I had terrible bullock pain. All I want is comfy environment so that my balls wouldn't be hurt."* (Когда я ездил на Жи Ти Континентал, у меня страшно болели яйца. Поэтому для меня очень важно, чтобы автомобиль был удобным и чтобы мои яйца не болели). Далее следует его откровенный рассказ о визите к проктологу: *"Yes, that was a terrible moment: the doctor bent me over and — I swear to God — stuck his head at my bottom, because when he said: "Does that hurt?" — it was muffled.* (Да, это был ужасный момент: доктор наклонил меня и — Богом клянусь — засунул голову мне в зад, потому что, когда он спросил: «Так больно?» — его голос звучал приглушенно).

Шокирующей представляется не только употребляемая лексика, но и непристойная откровенность известного актера.

Отметим, что Хью Грант не одинок. В проанализированных нами интервью со звездами ненормативную лексику (*damn, fuck, ass* и т.д.) широко употребляли ведущий программы "Top Gear" Джереми Кларксон, американский актер Марк Уоллберг, английский телеведущий Майкл Паркинсон и другие.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что для современных англоязычных культур характерна достаточно высокая терпимость к сквернословью

и допустимость его использования при вежливом общении. Высока степень толерантности и в отношении к грубым шуткам.

Безусловно, граница между юмором и грубостью, между непозволительным и допустимым весьма условна и она варьируется в зависимости от воспитания и уровня образованности каждого человека, но мы говорим об общей тенденции, которая проявляется при анализе речи носителей литературного языка и анализе шуток, рассказанных ими не в интимном кругу, а перед телекамерой, то есть перед широкой общественностью.

Для иллюстрации сказанного приведем несколько шуток, услышанных в уже упомянутой нами программе ВВС. На просьбу телеведущего рассказать что-нибудь смешное известный комедийный актер Ричард Гибсон декламирует следующее стихотворение:

*Shall I tell you a limerick?
There was a young girl from the Cape
Who had an affair with an ape.
The result was horrid — all ass and no forehead,
And one ball hanging down like a grape.*

(Букв: «Рассказать вам лимерик? Жила юная девушка из Кейпа, у которой была связь с обезьяной. Результат получился ужасным — только ж... и никакого лба, и одно яйцо свисает как виноградина».)

Грубость и пошлость этого стихотворения делают его совершенно недопустимым, на наш взгляд, для телевизионной передачи. Однако актер продолжает свое выступление в той же стилистике и читает еще одно не менее шокирующее стихотворение, посвященное всем поклонникам:

*There was a young man from Get
Whose prick was completely wet.
To save it from trouble
He put it in double
And that was a stunning event*

(Facts 2006: an interview with the guest stars of the BBC series “Allo! Allo!” 17.10.06).

(Букв.: Жил молодой человек в городе Гет, с постоянно мокрым... Чтобы не попасть в беду, он сложил его дугой, и это было потрясающим событием).

Нарочитое, умышленное шокирование публики вызывает не отрицательную, а, судя по смеху, положительную реакцию аудитории.

Сложно однозначно определить причину нарушения коммуникативной этики.

Скорее всего, в диалоге «ведущий — гость» отмеченные непристойности использовались для достижения комического эффекта, с целью создания неформальной обстановки, эффекта «принадлежности к своим», для поддержания интереса публики, которой, судя по реакции, это нравилось.

Однако с позиций представителей русской культуры допустимость интимных откровенностей, пошлых шуток, переходящих границы дозволенного, свободного использования табуированной лексики в передачах ВВС, которые транслируются

на весь мир и предназначены для широкой разновозрастной аудитории, представляется весьма сомнительной.

Справедливости ради следует отметить, что в некоторых моментах интервью использовалось «запикивание», однако это создавало дополнительный юмористический эффект, так как недосказанность и двусмысленность часто вызывают больше смеха, чем прямая грубость.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что грубость, которая проявляется прежде всего в нарушении общепринятых коммуникативных норм, может быть как неосознанной, непреднамеренной, так и целенаправленной, и она встречается не только в ситуациях конфликта, но и в бесконфликтном общении.

Грубость имеет национально-культурную специфику, и степень толерантности к ней в разных культурах различна.

Факты нарушения норм коммуникативной этики, обнаруженные в реальной коммуникации, в художественных произведениях и кинофильмах, а также в телевизионных программах, свидетельствуют о том, что это не единичные случаи нарушения, а некая тенденция коммуникативных изменений в направлении «снизу—вверх», наблюдаемая в английской коммуникативной культуре более выражено, чем в русской.

Сказанное позволяет поставить вопрос о коммуникативной этике в межкультурном аспекте. Рассмотрение данной проблемы может дать интересные результаты, касающиеся этических, аксиологических, социальных, психологических, стилистических и иных аспектов коммуникации в разных культурах.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Watts R.* Politeness. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- [2] *Bousfield D.* Impoliteness in Interaction. — Amsterdam/Philadelphía: John Benjamins, 2008.
- [3] *Bousfield D. and M. Locher* (eds.) Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice. — New York/Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- [4] *Culpeper J.* Impoliteness: Using Language to Cause Offence. — Series: Studies in Interactional Sociolinguistics (No. 28), 2011.
- [5] *Жельвис В.И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Изд. 2-е, переработ. и дополненное. — М.: Ладомир, 2001.
- [6] *Беликов В.И.* Национальная идея и культура речи // Отечественные записки. — 2005. — № 2. — С. 47—66. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1035>
- [7] *Жельвис В.И.* Вежливость и грубость как инструменты коммуникативного баланса // Этносоциоллингвистика и теория коммуникации: XXI век: сб. науч. трудов конференции / Под науч. ред. проф. В.И. Жельвиса. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. — С. 21—26.
- [8] *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Языки славянских культур, 2009 (Язык. Семиотика. Культура).
- [9] *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: Монография. — М.: Изд-во РУДН, 2003.
- [10] *Ларина Т.В.* Сквернословие в английской коммуникации // Социальные варианты языка. — Материалы международной научной конференции 25—26 апреля 2002 года. Нижний Новгород. — Нижний Новгород, 2002. — С. 90—93.

- [11] *Ларина Т.В., Смит С.* Обращение в английской коммуникативной культуре (в сопоставлении с русской) // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». — 2003. — № 1.
- [12] *Джонсон С.* English as a Second F*cking Language. — М., 2002.
- [13] *Wierzbicka A.* Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
- [14] *Фокс К.* Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. — М.: Рипол классик, 2008.
- [15] *Richmond Y.* From Nyet to Da: Understanding the New Russia. — Boston, London: Intercultural Press, 2009.

A STUDY OF RUDENESS AND COMMUNICATIVE ETHICS IN AN INTERCULTURAL ASPECT

**T.V. Larina, M.M. Kozyreva,
A.A. Gornostayeva**

Department of Foreign Languages
Faculty of Philology
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Department of General Translation
Faculty of Intercultural Communication
Moscow State Linguistic University
Ostozhenka, 38, Moscow, Russia, 119992

The paper deals with a Russian assessment of the communicative behavior of middle class English speakers and aspects of rudeness considered acceptable by them in a friendly discourse. The problem has been studied from the point of view of ethical norms in intercultural communication.

Key words: politeness, rudeness, ethical norms of communication, intercultural communication.